

СОЗНАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Д.В. Винник

Категория сознания является одной из фундаментальных как в классической, так и в современной философии. Тем не менее уместно говорить о сознании не только как о категории, понятии и феномене, но и как о некоторого рода философской проблеме. В современной философии проблема сознания представлена в новом свете благодаря незаурядным успехам науки, которая дала богатый материал для критического философского осмысления. Характерно, что в последние десятилетия в отечественной философии неожиданно заговорили о таком странном явлении в познании, как “борьба с сознанием”.

Метафора “борьба с сознанием” впервые встречается в совместном труде М.Мамардашвили и А.Пятигорского: "...Особую роль играет некоторая внутренняя отрицательная способность, выражающаяся в своего рода “борьбе с сознанием”. Борьба с сознанием происходит от стремления человека к тому, чтобы сознание перестало быть чем-то спонтанным и самодействующим. Сознание становится познанием, и на это время (слово “время” здесь не имеет физического смысла) перестает быть сознанием, и как бы становится метасознанием, – и тогда термины и утверждения этого последнего мы условно назовем метатеорией. И то, что нас с необходимостью толкает к метатеории сознания, есть необходимость борьбы с сознанием” [1].

Авторы утверждают, что в философии сознания метатеория занимает место теории. Из этого следует, что сознание рассматривается ими в первую очередь как термин объектного языка некоторой теории. Предполагается, что в критике объектных теорий и заключается указанная “борьба”. Впрочем, подобный процесс вполне можно обнаружить и на более низком по отношению к метатеории уровне – на собственно теоретическом уровне, как это весьма содержательно изложил

В.Молчанов: “Можно ли избавиться от сознания с помощью самого сознания? ... Сознанием, напротив, все время занимались и занимаются: или приписывают ему физиологические внутренности, или заключают в оболочку социального опыта, или разбивают на первичные элементы – психологические, если это ощущение, или структурные, если это члены “бинарных оппозиций”. Эти “занятия с сознанием” имеют, тем не менее, общую целевую установку – избавиться от сознания. Все виды перечисленных отождествлений подразумевают: сознания нет, есть лишь: а) неврофизиологические процессы, структуры мозга и т.п.; б) социальные связи, а то, что называют сознанием, суть “сублиматы”; в) элементы-ощущения, ничем, по существу, не отличающиеся от других элементов-ощущений – внешних тел; г) знаковые системы” [2].

В приведенном фрагменте В.Молчанов описывает “избавление от сознания” как попытку рационального объяснения феномена сознания, редукции сознания к некоторым элементарным по отношению к нему сущностям. Наиболее удачные попытки объяснить или хотя бы описать сознание будут рассмотрены в настоящей статье. Полагаем, что это будет способствовать прояснению предмета философии сознания и определению понятия сознания как объекта научного исследования.

Феноменальная специфика сознания

В первую очередь следует отметить, что сознание как феномен обладает собственной спецификой, накладывающей существенные ограничения на методологию исследования природы сознания. Дело в том, что феномены сознания представляют собой качественно иной способ данности, нежели феномены физические. Этот способ данности имеет два отличительных качества.

Во-первых, сознание явлено нам не как совокупность статичных объектов и их отношений, но как непрерывный “поток” сменяющих друг друга событий и состояний (фактов сознания), отношения между которыми проследить гораздо сложнее, чем отношения между физическими объектами. Особенно ясно вытекающее из этой специфики ограничение охарактеризовал Э.Гуссерль: “Для исследования сознания было бы безумным применять ту же методику образования понятий и суждений, которая обычно применяется в объективных точных науках. Жизнь сознания находится в состоянии постоянного потока, и всякое *cogito* является текучим, поэтому здесь нельзя зафиксировать последние элементы и отношения” [3].

Во-вторых, рассмотренная феноменальная последовательность наряду с непрерывностью обладает и некоторым дискретным качеством. Понятие дискретности применительно к ментальным фактам неоднократно использовал М.Мамардашвили: “Мы можем сказать, что эти содержательные факты сознания дискретны... мы не рассуждаем непрерывно и не осознаем непрерывно. Дискретность своего сознательного существования мы произвольно накладываем на факт содержательности сознания” [4]. Дискретность эта, согласно М.Мамардашвили, демонстрируется тем простым фактом, что мы не способны заставить себя мыслить волевым сознательным актом. Мысль возникает внезапно, нередко без явных причин, и столь же внезапно может прекратиться – нет никакой гарантии, что она продолжится в следующий момент в плане содержания мышления.

Дискретность сознания вступает в противоречие с рациональным идеалом последовательного и законообразного логического мышления, мышления в некоторых “правильных” формах. Это означает, что мысль, постоянно перескакивающая с одного предмета на другой благодаря спонтанным ассоциациям, смутным метафорам и непрозрачным аналогиям, не есть мысль должна, хотя часто имеет место в действительности. Внезапные ассоциативные переходы являются одним из негативных феноменов сознания. В современной психиатрии этот феномен нередко характеризуется как признак клинического состояния сознания, подпадающего под такие специфические нарушения мышления, как “инкогерентное мышление”, “словесная окрошка”, “избыточность ассоциаций” и “полет мыслей” [5].

Интересно, что феномен прерывности мышления был с успехом взят в качестве предмета исследования аналитической психологией и в качестве метода эффективно использовался психотерапией. Вряд ли будет преувеличением сказать, что самым популярным методом диагностики в аналитической психологии XX в. стал метод свободных ассоциаций – метод, по частотным и качественным характеристикам (интенсивность эмоций, физиологических параметров и т.д.) выявляющий доминирующее содержание сознания пациента. Рефлексия над этим содержанием призвана очистить сознание от избыточного содержания, адекватно не встроенного в актуальную психику субъекта. Фактически эта рефлексия является разновидностью редукции, но редукции совершающейся на личностном, а не на теоретическом уровне. Из сказанного следует, что сознание, устроенное совершенным образом, должно быть избавлено от спонтанных ассоциаций,

разрушающих единство “кристаллизованного”, упорядоченно действующего сознания.

Таким образом, указанная выше феноменальная специфика сознания обладает качествами, трудно совместимыми с методологией естественных наук. Однако эти качества (непрерывная смена актов сознания во времени и дискретность содержания) для познания вовсе не являются роковыми. Независимо от того, обладает ли сознание пространственной протяженностью и пребывает ли оно во времени, для нас важно, что в данности сознания очевидным образом проявляется своя независимая по отношению к этой последовательности структура, своя хорошо выраженная типология, – так, факты сознания делятся на акты восприятия, представления, суждения и т.п. Следовательно, можно предположить, что существует возможность изучения этой структуры и сопоставления ее с другими известными структурами, например физиологическими, а значит, и возможность редукции первых к последним.

Редуктивные представления о сознании

В предыдущем разделе была описана феноменальная специфика сознания и предположена возможность редукции как процедуры, призванной “бороться” с упомянутыми эпистемическими качествами. Таким образом, редукцию можно характеризовать как сведение ментальных явлений к некоторым иным по отношению к сознанию сущностям.

В философии принято различать понятия философские и понятия научные. Если в философии понятие выступает в качестве категории, предельного общего концепта с безграничным объемом, то в конкретных науках то же понятие может обладать вполне конкретным содержанием, соответствующим заданной предметной области и объекту исследования. Представляется уместным подобным же образом различать философское и конкретно-научное понятия сознания. Исходя из этого редукцию можно также определить как подмену философского понятия сознания конкретно-научным, что, как будет показано, и приводит к мнимой победе в “борьбе” с сознанием.

В истории учения о сознании целесообразно выделить две основные разновидности редукционизма: позитивный редукционизм и негативный. В случае позитивного редукционизма сознание сводится к некоторым вещам-первоэлементам. Известны две формы позитивного редукционизма: физикализм и ментализм. Негативный редукцион-

низм сводит сознание к некоторой совокупности свойств и отношений, лишает его самостоятельного онтологического статуса с точки зрения классической рациональности. Здесь также выделяются две формы: бихевиоризм и функционализм. Возникает желание рассматривать негативный редукционизм как вообще нередукционизм, однако, как будет показано ниже, он содержит скрытую онтологию и поэтому сам является частным случаем редукционизма. Рассмотрим перечисленные четыре наиболее характерные формы научного редукционизма подробнее.

Физикализм. Этую форму редукционизма можно охарактеризовать как позицию, согласно которой наши вопросы о природе сознания полностью исчерпываются нашим знанием о таком физическом объекте, как головной мозг. Представление о природе этого знания может носить различный характер – в зависимости от характера научной проблематики.

Метод изучения макроструктур головного мозга при помощи анатомирования и трепанации позволял объяснить лишь небольшую долю всего многообразия ментальных феноменов. Дальнейшие исследования нервной организации головного мозга достигли больших успехов, однако открытие нейрона дало возможность объяснить лишь функциональные особенности тех или иных отделов головного мозга. Тесная связь ментальных и макрофизических явлений, на основании которых сознание отождествлялось с головным мозгом, очевидна, связь психических макрофеноменов и физических микроявлений, напротив, оказалась не столь наглядной. Понятие сознания как бы “растворилось” в обширных и сложных нейрофизиологических исследованиях. Толчком к преобразованию физикализма явилось развитие кибернетики. Кибернетический подход позволил очень удачно интерпретировать процессы в головном мозге как процессы информационные и логические. В определение сознания наряду с представлением о физико-химических структурах и процессах включили представление об отношениях между элементами мозга – нейронами, трактуемыми как простые логические ячейки.

Таким образом, в зависимости от характера проблематики сознание отождествлялось либо с мозгом как материальным объектом, либо с процессами в нем, либо с каузальными и/или логическими отношениями между его элементами. Тем не менее общим для всех исследований в рамках физикализма остается именно объективация сознания в виде некоторых материальных структур головного мозга. Изучение сознания, следовательно, возможно в физикализме только как изуче-

ние материальной организации мозга, нервной системы и биологического организма в целом. Считается, что сами ментальные события в действительности являются событиями физическими. Постулируется, что спонтанных в собственном смысле слова, не обусловленных актов сознания не существует. Возможно, что искомые физические события пока не наблюдаются, однако это случайный факт, – подразумевается, что при должном развитии науки и техники можно будет обнаружить данные события эмпирически. Выявлением причин, порождающих акты сознания, должна заниматься такая дисциплина, как психофизиология и ее ответвления, использующие различные химические, макрофизические и квантово-физические методы.

Тем не менее не следует полностью отождествлять физикализм как редуктивную позицию с материализмом как философским учением. В настоящее время физикализм, претендующий на всеобщую значимость, в чистом виде встретить достаточно сложно. Существующие материалистические концепции стараются избегать прямых отождествлений сознания с физическими объектами. Например, современный философ Дж. Марголис именует свою концепцию “нередуктивным материализмом”. Среди современных материалистических концепций большой интерес представляет теория психофизического тождества. В соответствии с тезисом о ковариативности (supervenience) сознания, сформулированным Д.Дэвидсоном, признается существование только одного класса объектов – физических, которые либо обладают ментальными свойствами, либо не обладают ими. Дэвидсон полагает уместной демаркацию феноменов на ментальные и физические, из чего следует логическое различие ментальных и физических предикатов. С точки зрения постулируемого тождества может показаться, что данное различие условно и онтологически избыточно, однако это не так – оно есть феноменальная данность и методологически является чрезвычайно оправданным. Дэвидсон признает, что редукция психологии к физическим наукам не имеет смысла: “Легко понять тот факт, что хотя каждое психологическое событие или состояние имеет физическое описание, это не дает нам оснований надеяться на то, что любой физический предикат вне зависимости от своей сложности имеет такой же объем, как и данный психологический предикат, и в меньшей степени следует надеяться на то, что существует физический предикат, законоподобным образом соотносящийся с данным психологическим предикатом” [6]. Психология обладает своим самостоятельным предметом, каковым являются высшие когнитивные состояния, а имен-

но интенциональные, в отличие от простых качественных состояний – так называемых *кволиев* (*qualia*), которые гораздо более успешно объясняются физиологически.

Ментализм. Данная форма редукционизма в некотором смысле является “изнанкой” физикализма. Основные положения ментализма прямо противоречат основным положениям физикализма. Менталисты полагают, что сознание есть нефизическая, или имматериальная, структура, организованная согласно нефизическим принципам. Базовые предпосылки ментализма как доктрины удачно изложил Д.Дубровский: “...Явления сознания могут адекватно описываться лишь средствами естественного языка, художественной литературы или с помощью философских и психологических терминов, выражающих понятия ценности, интенциональности, смысла. Однако, последние не имеют прямых логических связей с основными понятиями естествознания, посредством которых описываются нейрофизиологические процессы, протекающие в головном мозге, функционирование отдельных его структур и целостная деятельность головного мозга как материальной системы. Сюда относятся понятия массы и энергии, всевозможные пространственные характеристики, понятия физической причинности и химического взаимодействия, которые не могут служить для описания феномена сознания” [7]. В целом же антифизикалистская аргументация менталистов носит разнообразный характер, и здесь можно выделить четыре основные позиции.

1. В психофизиологических исследованиях вполне удовлетворительно описываются в физико-химических терминах простейшие психические акты, например акты чувственного восприятия, тактильного ощущения или эмоционального переживания. Иногда удается выявить и высшую когнитивную активность сознания. В частности, эксперименты Ливанова, записавшего электро-энцефалограмму по 50 каналам и вычислившего 1225 парных корреляций, свидетельствуют о синхронизации многих слабых в обычном состоянии коррелятов при решении арифметических задач. Однако содержательный аспект сознания в рамках подобных исследований до сих пор практически недоступен для изучения. Психофизиология бессильна описать предметную и содержательную сторону интенционального акта и выявить акт рефлексии, составляющий сущность самосознания. Проблема поиска соответствующих физических предикатов, которыми следует заменить предикаты психические, разделила исследователей на два лагеря. Последовательные физикалисты считают, что до сих пор просто не об-

наружены те простые физические признаки, которые соответствуют признакам ментальным, либо искомый физический предикат обладает объемом, превышающим тот, для определения которого у нас достаточно экспериментальных и аналитических возможностей. Менталисты разрешают эту проблему радикальным путем: утверждается, что психические функции независимы от своей физической реализации и именно поэтому мы не способны найти приемлемый коррелят для данных явлений.

2. Клиническая практика свидетельствует о том, что оценка возможностей психофармакологических методов, применяемых для лечения психических расстройств, оказалась завышенной, а во многих случаях применение этих методов признано избыточным. Существует класс психических расстройств, которые следует лечить сугубо психотерапевтическими методами либо надо вовсе воздержаться от лечения. Более того, использование психотропных веществ, например транквилизаторов, для блокирования пограничных психических состояний затрудняет диагностику последних и применение психотерапевтических методов, поскольку психические данные, важные для выявления проблемы, оказываются искаженными физическим воздействием.

3. Существует класс простых психических состояний, вообще независимых от известных физических состояний. Это прежде всего психосоматические боли – боли, переживаемые независимо от наличия физических повреждений, однако имеющие конкретные психотравматические причины. Более того, в определенных случаях удается обнаружить так называемый “нервный след”, т.е. психическую причину того или иного физиологического искажения, – например, при спазматических явлениях или постоянном мышечном напряжении. Фантомные боли представляют собой один из самых загадочных психофизических феноменов: человек продолжает субъективно воспринимать потерянную в результате ампутации конечность. В самом деле, боль без наличия соответствующих физических нарушений и боль в отсутствующих конечностях могут навести на мысль о нефизической природе этого психического феномена.

4. Интроспективные отчеты в психофармакологических исследованиях с применением веществ алкалоидной группы свидетельствуют о явных переживаниях диссоциации и дереализации сознания. Некоторые исследователи, например С.Гроф или Р.Дасс, оказались настолько поражены содержанием этих отчетов, что создали собственные фантастические доктрины квазифилософского характера. Действительно, многие

отчеты поразительно напоминают описание пограничных переживаний у такого маститого идеалиста и мистика, как Плотин. Масштабность отчетов с подобным содержанием побудила сделать индуктивный вывод о достоверности этого содержания. Характерно, что упомянутые исследователи настаивают именно на эмпирическом характере своих результатов. Определенными методами они берутся воспроизвести “измененные” состояния сознания и даже некоторое содержание.

Наиболее радикальные психологисты исходят из предпосылки, что абсолютно автономных физических состояний организма не существует: всякое состояние нашего тела доступно для осознания. “Другими характерными особенностями, наблюдающимися при этих состояниях, являются ощущение функций своих внутренних органов, которые обычно выполняются на неосознанном уровне, восстановление памяти на события раннего детства, которая обычно утрачена, высвобождение материала, относящегося к бессознательному уровню в символической форме, а также регрессия и явное оживление в памяти события далекого прошлого, включая рождение. Типичными являются ретроспективная рефлексия и глубокое понимание религиозных и философских идей” [8].

Таким образом, ментализм вполне можно характеризовать как идеологию борьбы представителей гуманистического направления в психологии и психиатрии против физико-химических методов диагностики и лечения психических болезней. Подразумевается, что при условии должного внимания к психическому содержанию и очищения чувственных данных возможно обнаружить нефизические, интенциональные причины искомых психофизических событий. По сравнению с физикализмом ментализм исходит из гораздо большего доверия к интроспективным отчетам, пребывание в определенном состоянии сознания полагается очевидным благодаря интроспективному наблюдению. Кроме того, считается, что опытный психолог способен успешно распознавать состояния сознания некоторого субъекта без посредничества технических средств. Характерным примером менталистской теории является аналитическая психология. Задача выявления и описания тех предметов и того содержания, на которые направлено сознание субъекта, причем образом, по возможности максимально приближенным к тому, каковым это содержание воспринимает сам субъект, предполагает процедуру очищения данных от конкретных физических условий реализации тех актов сознания, в которых указанное содержание дано.

Несомненно, что ментализм также совершает подмену философского понятия сознания конкретно-научным, а именно, психологическим. Та критика, которая была направлена против физикализма, справедлива и по отношению к ментализму. Попытка объяснения всех явлений физиологии и человеческого поведения сугубо психическими причинами есть не что иное, как ментальный редукционизм, являющийся разновидностью редукционизма позитивного.

Бихевиоризм. Пожалуй, наибольший интерес в контексте настоящей статьи представляет философское направление, известное как логический бихевиоризм. Основной тезис логического бихевиоризма состоит в том, что любое высказывание о сознании может быть без изменения значения переведено в некоторое высказывание относительно доступного общему наблюдению поведения.

Согласно логическим бихевиористам, попытки объяснить сознание, привлекая идеи ментальной и физической субстанции, суть результат категориальной ошибки. В этом нет никакой наущной необходимости: как физический объект сознание очевидно не существует, не существует сознание и как идеальный объект, ибо бихевиоризм вообще отказывает идеальному в онтологическом статусе. Разработав изощренный аппарат анализа эмпирического сознания, разложив его на структурные составляющие, логические бихевиористы утратили необходимость в понятии сознания, полностью элиминировали его. Это направление можно трактовать как попытку метатеоретического осмыслиения понятия сознания по отношению к таким теориям объектного типа, как ментализм и физикализм. Выявив ошибку гипостазирования в структуре научного понятия сознания и изучив способ функционирования понятия сознания в качестве теоретического термина, бихевиоризм “расправился” с сознанием как псевдонятием, расчистив, как ни странно, почву для обновленного понимания сознания как философской категории. Возможно, К.Гемпель и Г.Райл, наиболее радикальные в этом отношении мыслители, столь жестоко расправились с этим фундаментальным понятием классической философии, поскольку считали его запятнавшим себя негативным религиозно-идеалистическим содержанием и, следовательно, достойным изгнания из научной практики.

Однако камнем преткновения для бихевиоризма оказалось явление, известное как интенциональность, которое рядом мыслителей считается наиболее ярко отражающим существенную специфику сознания. Сознание содержательно по преимуществу, его содержание определяется тем, на какой объект, реальный или воображаемый, это

сознание направлено и какой объект в нем дан. Бихевиористы полагали, что это содержание определяется исключительно тем, на какой реальный объект направлено сознание. Это является если не прямым заблуждением, то очень сильным методологическим требованием – как оказалось, практически невыполнимым.

Тем не менее бихевиоризм был одним из наиболее последовательных направлений в упомянутой “борьбе с сознанием”. В почти героическом стремлении к предельной объективности в изучении субъективного бихевиоризм акцентировал внимание на структурном аспекте сознания здорового, социально активного субъекта, на тех отношениях, в которые данный субъект вступает. Чем с физической точки зрения этот субъект является, для бихевиоризма совершенно неважно. Подобно функционализму, методологическое ядро бихевиоризма в принципе совместимо и с физикализмом, и с ментализмом. Так, В.Куайн полагал, что зазор между рецепцией и перцепцией следует объяснять различиями в физической организации субъекта. А согласно Д.Фоллесдалю, “с интенционалистской точки зрения бихевиоризм можно рассматривать как попытку разработать методы и экспериментальные процедуры, обеспечивающие по возможности наиболее надежные данные, в особенности за счет минимизации неясностей, происходящих из-за интенциональности” [9]. Таким образом, бихевиоризм представляет собой яркий случай негативного редукционизма относительно проблемы психического.

Функционализм. Как теория сознания функционализм развивался двумя различными путями. С одной стороны, первые представления о функциональном характере сознания относятся к психофизиологическим исследованиям, – в качестве примера можно привести теорию функциональных систем П.Анохина. С другой стороны, функционализм сформировался в результате попыток описать деятельность сознания по аналогии с деятельностью вычислительного автомата.

Важным аргументом функционализма является положение об “автономности” ментального. Понятие автономности обладает двумя достаточно независимыми смыслами. С одной стороны, для высших когнитивных функций эмпирически не удалось найти характерный физический коррелят. С другой стороны, сторонники расширенного понимания автономности ментального полагают, что сознание есть некоторая чисто информационная, идеальная структура, нередко рассматриваемая по аналогии с компьютерной программой, для которой совершенно безразлично, на каком физическом носителе она будет исполне-

на. Как в свое время заявил Х.Патнэм, “мы могли бы быть сделаны из швейцарского сыра, но это не имело бы никакого значения” [10].

В принципе функционализм логически совместим как с материализмом, так и с ментализмом. Согласно Х.Патнэму, и физикиалисты, и менталисты ошибались, считая, что если наши сознания субстанциальны, то существует физическое (или ментальное) объяснение нашего поведения. Строго говоря, последовательный функционализм избегает прямых онтологических вопросов о сущности сознания, рассматривая проблему сознания в качественно иной плоскости. Фактически функционализм исходит из того, что ответ на вопрос “для чего нужно сознание?” будет тождествен ответу на вопрос “что такое сознание?”. Функционализм пытается редуцировать сознание к некоторой совокупности функциональных отношений. Однако не следует путать функционализм с бихевиоризмом, поскольку функционализм не утверждает, что состояния сознания представляют собой диспозиционные отношения, но подразумевает, что состояния сознания суть причина этих отношений. Функциональное состояние есть следствие входящей информации и причина информации исходящей. Бихевиоризм сводит сознание к совокупности отношений субъекта с внешней средой, функционализм – к отношениям внутри самого субъекта.

Таким образом, объем понятия сознания ограничивается известным нам набором функциональных отношений. В этом смысле функционализм, за исключением вульгарного варианта отождествления сознания с вычислительной машиной, является собой характерный случай негативного редукционизма.

Трансцендентальная феноменология как критическая философия сознания

Несколько обособленно по отношению к рассматриваемой проблематике стоит трансцендентальная феноменология. Заявленная как философия сознания, феноменология представляет собой достаточно изощренную философскую систему в лучших традициях немецкого идеализма, очень трудную для осмысления с точки зрения научно ориентированной философии сознания. Охватывая, в сущности, ту же проблематику, что и аналитическая философия, феноменология представляет собой сложный синтез классической философии и позитивизма.

Сущность трансцендентально-феноменологической доктрины составляет, прежде всего ее метод феноменологического анализа сознания, который расщепляется на два: метод трансцендентально-феноменологической редукции (ТФР) и метод эйдетической редукции (ЭР). Следует отметить, что указанные редукции – это не совсем то, что понимается под редукцией в классической методологии науки, здесь они выполняют скорее описательную функцию, а не объяснительную. Феноменологический анализ есть прежде всего метод точного описания явлений такими, какими они даны сознанию, т.е. как чистых феноменов. Во многом метод ТФР совпадает с методом радикального сомнения Р.Декарта. Осуществляя трансцендентально-феноменологическую редукцию, следует усомниться в существовании как объектов внешнего мира, так и идеальных, абстрактных сущностей. В результате редукции сами эти объекты могут и не исчезнуть, но будут представлены сознанию уже качественно иным образом, в очищенном виде, как интенциональные предметы. Редукция, согласно феноменологии, позволяет освободиться от наивности, которая характерна для всех без исключения видов практической и теоретической деятельности человека. Источник этой наивности заключается в том, что сознание интересуется прежде всего внешними предметами, а не тем смыслом, которым оно наделяет их в процессе своей деятельности.

Таким образом, метод ТФР выступает как негативная процедура, очищающая данные восприятия. Однако феноменология вовсе не была сугубо скептической философией. В самом деле, в результате редукции объект, например, визуальный, перестает быть вещью, поскольку превращается в чистую феноменальную данность – практически бесструктурный набор предельно простых явлений (плоских цветовых пятен неопределенной морфологии). Некоторая структура, несомненно, присутствует, – возможно выявить отношения между пятнами по цвету, двумерные пространственные отношения, интенсивность динамики зрительной картины. Однако эта структура носит минимальный характер, исключающий единство восприятия некоторой совокупности явлений как вещи. Например, такая “простая” способность, как объемное восприятие, предполагает овладение структурами более высокой сложности (т.е геометрическими) и “запуск” активных возможностей сознания апперцептивной природы.

Наличие “выпавших в осадок” свойств, образующих эту минимальную структуру, дает возможность путем их варьирования и комбинирования воссоздать объект либо в прежнем, либо в новом сущ-

ностном качестве. Метод ЭР и является той позитивной процедурой, которая позволяет оправдать объект с онтологической точки зрения, сконструировать его из хаотического набора простых феноменальных свойств. Эйдтическая редукция – это процедура варьирования в воображении феноменальных признаков объекта, благодаря чему можно вычленить некоторый эйдос данного объекта. Согласно Гуссерлю, “все акты сознания, которые не были ранее теоретическими, могут превратиться в них посредством изменения установки сознания” [11]. Эйдтическая редукция и есть та процедура преобразования наблюдательных актов сознания в теоретические. Благодаря этому акту мы можем прийти к выводу о наличии сознания у других психофизических сущностей – людей и животных. Наблюдение за их поведением и сравнение с собственным позволяет по аналогии приписать вторичной феноменальной области, т.е иным субъектам, наличие сознания; объяснить их поведение исходя из представления о трансцендентальной субъективности, черпающей свой смысл из интроспекции.

Методологический дуализм и феноменологическая дополнительность. С одной стороны, сам метод феноменологического анализа изначально постулировался как метод изучения сознания, т.е признавалось существование сознания в качестве идеальной сущности. С другой стороны, этот метод является сугубо умозрительным. Понятие сознания в феноменологии странным образом выполняет двойную функцию.

Известно, что в философии И.Канта периода “Критики чистого разума” сознание выступает как философская категория, как условие всякого возможного знания и познания. Критикуя идею рационалистической психологии, Кант выступает против натурализации сознания, т.е. полагания сознания в качестве натурального объекта, обладающего свойством существовать в действительности. Э.Гуссерль, развивший идеи трансцендентального идеализма, оказался гораздо более “очарован” феноменом сознания. Понятие сознания играет у него двойскую роль, выступая в качестве философской категории или рефлексивной способности и в качестве полноценного объекта познания, т.е. фактически Гуссерль решается на отчаянно смелый ход, который был запрещен Кантом как трансцендентальный парадигмизм.

Однако хорошо осознавая последствия гипостазирования и натурализации искомого понятия и, более того, по-кантовски последовательно выступая против этого, Гуссерль расщепляет понятие существования, воспользовавшись “ловкой” различия сущности и существова-

вания. Вслед за Брентано он утверждает, что сознание не является ни реальным, ни нереальным, – оно ирреально, т.е. существует, но существует качественно иным образом, чем физические объекты. Сознание существует в качестве сущности и вполне может являться субъектом экзистенциальных суждений.

Судя по всему, Гуссерль исповедует двойной стандарт по отношению к онтологическому статусу сознания. Он различает “бытие как реальность” и “бытие как сознание” и соответственно естественную и феноменологическую установки как кардинально различные эпистемические состояния сознания. Феноменологическая редукция выступает у него как своеобразная “смена регистра” при рассмотрении сознания. Мысля в рамках естественной установки, будучи последовательным, Гуссерль вынужден постулировать реальность природных объектов и признавать ирреальность объектов абстрактных, а значит, и самого сознания. Перемещаясь с помощью метода феноменологической редукции в рамки критической рефлексивной установки, с качественно иным способом данности вещей, Гуссерль утверждает, что сознание “в себе самом наделено своим собственным бытием, какое в своей абсолютной сущности не затрагивается феноменологическим выключением” [12]. Сознание выступает в этой установке как единственно полноценное, абсолютное бытие; бытие реальных объектов есть бытие условное, черпающее свою значимость как сущего из конститутивной силы самого сознания.

Позитивный смысл феноменологической критики. Представляется, что феноменологическое направление изначально было существенно полнее аналитической философии по отношению к заявленной проблематике. Критика Гуссерля была направлена как против физической, так и против ментальной разновидности редукционизма. Основатель феноменологии не поддался соблазну феноменализма и сохранил должный статус сущностного, теоретического познания. Задав плюралистическую онтологию, предусматривающую дополнительные способы описания ментальной реальности (избегая при этом проблематики философии языка!), Э.Гуссерль предвосхитил многие результаты постпозитивизма и философии сознания конца XX в.

Трансцендентальная феноменология удачно сочетает в себе онтологическую и гносеологическую проблематику. По сути, в философии Э.Гуссерля феноменологическая редукция соответствует негативной редукции в современной методологии науки, а эйдетическая – позитивной. Тот факт, что логически трансцендентально-феноменологическая редукция является

необходимым условием для редукции эйдетической, очень показателен для естествознания. Плодотворно рассуждать о сущностных свойствах объекта мы можем только при условии достижения предельного, точного и простого описания воспринимаемых свойств объекта.

Пример феноменологии продемонстрировал, что негативная редукция понятия сознания является необходимым условием возможности редукции позитивной вопреки актуальной исторической последовательности. Наивные физикалистский и менталистский подходы исторически предшествовали сокрушительной бихевиористской и функционалистской критике, которая стала реакцией на неудачи этих подходов. Физиологи и специалисты в области экспериментальной психологии, вживляя электроды или провода пристальную интроспекцию, полагали, что они изучают само сознание, а не только головной мозг и структуру психики. Исторически неудачи таких программ стали причиной их переосмысления. Основные понятия соответствующих теорий оказались объектом критического анализа, – это относится и к понятию сознания. В результате появились такие доктрины, как бихевиоризм и функционализм. Однако последние все-таки не отвечают на вопрос “что такое сознание?”. Этот вопрос можно объявлять бессмысленным, но своей силы он от этого не теряет. Значение произошедшего можно усмотреть в том, что негативные доктрины разработали новые методы постановки экспериментов и новые методы анализа, благодаря которым возможно существенно дополнить наше знание о субстанциальной природе сознания. Таким образом, с логической точки зрения мы не сможем адекватно объяснить сознание как субстанциальный феномен, если предварительно не выявим структуру понятия сознания, не проясним его феноменальный и сущностный смысл и не определим рамки осмысленных утверждений о сознании.

* * *

Проведенный анализ показывает, что в изучении такого сложного объекта, как человеческая психика и сознание, приоритет должен отдаваться комплексной исследовательской стратегии, включающей в себя различные методы. Следует понимать, что, с одной стороны, однозначная логическая несовместимость корректно полученных результатов далеко не всегда является псевдопроблемой, как это стараются представить некоторые авторы, а с другой стороны, в ряде случаев она действительно происходит из онтологических различий, лежащих в основе любой конкретно-научной методологии.

Научное осмысление понятия сознания, предпринятое в XX в., вскрыло структуру данного понятия исходя из нескольких различных, не сводимых друг к другу оснований. Результаты оказались столь впечатльными, что появилась возможность устраниТЬ данное понятие из естественно-научного оборота вообще. В этом смысле попытки редукции понятия сознания не следует рассматривать как негативные, указанная “борьба с сознанием” есть процесс, необходимый для естествознания. Как было отмечено, феноменальная специфика сознания представляет серьезную проблему для науки. Феномены сознания носят динамический, неопределенный и спонтанный характер, препятствующий их адекватному объяснению и прогнозированию. Если наука ставит своей задачей развитие знаний о природе сознания, она так или иначе должна преодолеть трудности, присущие из феноменальной специфики сознания.

Однако, несмотря на все смелые научные гипотезы о природе сознания, не следует забывать, что сознание является также философской категорией и условием всякого возможного научного познания. Всегда надо помнить, что свой смысл понятие сознания черпает не только из эмпирических данных, но и из самой сущности категориального мышления. Научный редукционизм, претендующий на абсолютную значимость, напоминает попытку известного персонажа вытащить самого себя из болота за косичку. Иногда это удается, однако подобные победы всегда оказываются пирровыми. В этом смысле полная победа в “борьбе с сознанием”, т.е. окончательная редукция сознания, все равно невозможна, что всегда оставляет место для философского осмысливания. Именно благодаря феномену сознания возможна такая область человеческой деятельности, как философия.

Примечания

1. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и Сознание. – М., 1997. – С. 28, 29.
2. Молчанов В. Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. – 1992. – № 3. – С. 9.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М., 1999. – С. 16.
4. Мамардашвили М.К. Стрела познания: Набросок естественноисторической гносеологии. – М., 1996. – С. 69.
5. См.: Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: Из синопсиса по психиатрии. – М., 1998. – Т. 1. – С. 45.

6. Дэвидсон Д. Материальное сознание // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993. – С. 135.
7. Дубровский Д.И. Психика и мозг: Результаты и перспективы исследований // Мозг и разум. – М., 1994. – С. 3.
8. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: Из синопсиса по психиатрии. – С. 204.
9. Фоллесдалль Д. Интенциональность и бихевиоризм // Научное знание: логика, понятие, структура. – Новосибирск, 1987. – С. 255.
10. Патнэм Х. Философия сознания. – М., 1999. – С. 88.
11. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии... – С. 38.
12. Там же. – С. 75.

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск

Vinnik, D.V. Consciousness as a problem in the modern philosophy and science.

The main objective of the paper is to study two sorts of reductionism in the philosophy of mind. Positive reductionism hypostasies mental phenomena as material or nonmaterial substance. Negative reductionism rejects the substantiality of the mental domain and reduces mental events and mental states to the complex of behavioural or functional relations in cerebrum. The first type of reductionism comprises such doctrines as physicalism and mentalism; the second one comprises behaviourism and functionalism. The immediate analogues of the mentioned types may be found in phenomenological philosophy. These are transcendental-phenomenological and eidetic reductions. In phenomenological philosophy, the function of the reduction procedure is not to explain, but to describe. Historically, the first type of reductionism foregoes the second one. However, E.Husserl demonstrated that logically, negative reduction appears as a necessary condition of positive one.